

Op84
Ю-31
А-407232

12+

ИВАН ЮЛАЕВ
Избранное
для детей

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

Op 84
Ю 31
Op 84

Иван Юлаев
Избранное
для детей

83.84(2=44.2)6-4

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

[12+]

а-407232

Оренбург
2024

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Ур

УДК Р2
ББК 84(2=411,2)6-4
Ю 31

Юлаев, Иван Михайлович

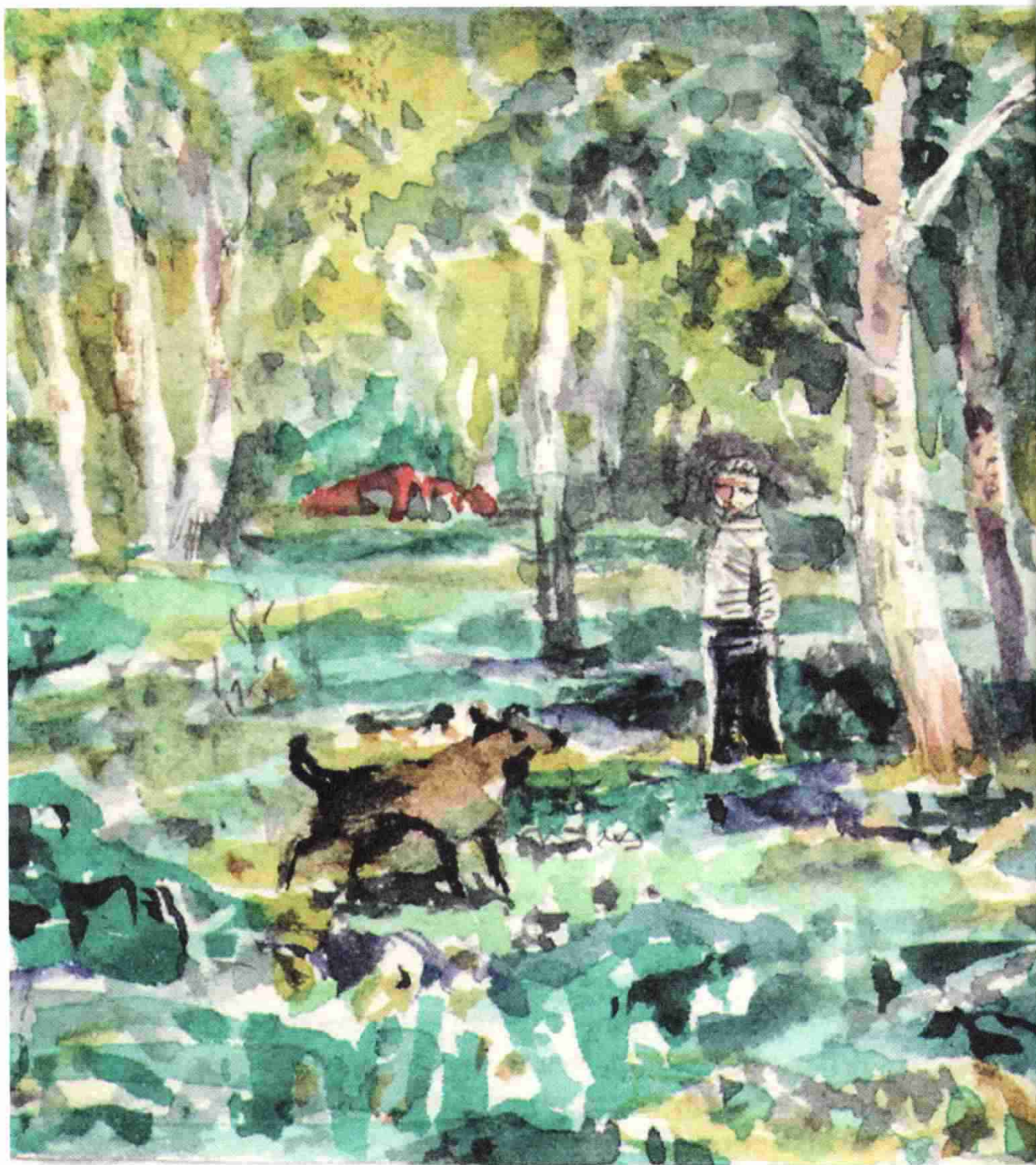
Ю 31 Тайные знания : Избранное для детей / Составитель
Т.Я. Юлаева // Оренбург : М.Ф. Коннов, 2024 — 172 с. :
ил.

В эту книгу оренбургского прозаика, члена Союза российских писателей Ивана Михайловича Юлаева вошли лучшие рассказы для детей и подростков, написанные им более чем за 40 лет творческой деятельности. Они как нельзя лучше подходят для семейного чтения.

УДК Р2
ББК 84(2=411,2)6-4

978-5-9904096-2-0

✓ © Юлаев И. М., текст, фото и иллюстрации, 2024
✓ © Юлаева Т. Я., составитель, 2024
✓ © Окунева О. В., иллюстрации, 2024
✓ © Манахов В. Г., иллюстрации, 2024
© Коннов М. Ф., 2024

Сердечно благодарю известного предпринимателя, мецената, иконописца и художника, президента Фонда регионального развития Михаила Фёдоровича Коннова за финансирование данного издательского проекта, приуроченного к 75-летию писателя Ивана Михайловича Юлаева.

Большое спасибо за поддержку Александру Ивановичу Зеленцову, Ирине Владимировне Бушухиной, Ольге Васильевне Окуневой, Виктору Геннадьевичу Манахову, Вячеславу Геннадьевичу Моисееву, Николаю Петровичу Алешкову, Инге Александровне Калашниковой, Андрею Петровичу и Галине Викторовне Веприковым.

Татьяна Юлаева,
составитель и редактор

АТАМАН ШИЛЛЕР

Всолнечный летний день седьмого июля, на Ивана Купалу, тугой южный ветер хозяйничал в кронах тёмнолистой дубравы. Шум двухсотлетних дубов был уравновешен и упрям, а шум окаймляющих дубраву берёз — трепетен и блестящ в своих долгих атласных переливах. Над дубравой кружение подорлика в нагретом поднебесье, быстрый, глазастый проплыв серпокрылого чеглока, с неразличимой высоты песнь затерявшегося в благодати жаворонка. На пологих холмах село с белыми крышами; то густо голубеет на солнце, то сереет от набежавшего облака длинный пруд. Внизу, в тёмно-зёленом узоре колючего ежевичника, солнечные блики, кивание ромашковых голов, пахучие силки мышиного горошка. Иволги в кронах берёз перекликаются флейтами.

Гнездо иволги я открыл на берёзе, оно напоминало свитую из древесного пуха корзиночку, искусно подвешенную к роготулке в самом конце ветви. Стараясь не выказывать своё присутствие, но и сильно не маскируясь, я наблюдал за гнездом. Птенцы в нём уже подросли и, слыша голоса родителей, вытягивали шеи и как можно шире разевали свои «морковные» рты, требуя корма. Скрытно-осторожные иволги не подлетали к гнезду, хотя им ничто не угрожало. Устав их караулить, я решил пройтись по лесу, крики дроздов на опушке занимали меня.

Необычный, задорно торчащий сучок на старом, лежащем у высохшего ручья бескором дереве привлёк моё внимание: он напоминал небольшого голенастого цыплёнка, застывшего в неподвижной позе. Всё ещё сомневаясь, я пошёл в его сторону и, надо же, подойдя почти вплотную, неожиданно встретился с напряжённо блестящей искоркой в чёрном иволжином взгляде. Не меняя позы, иволжонок вполне осмысленно наблюдал за мной.

Выражение его глазастой носатой «мордочки» говорило мне: «Это тебе только кажется, что я иволжонок, птенец. Но я не птенец, а самый настоящий сучок». Но тут уж я не поверил

иволжонку. Я ходил вокруг и рассматривал его: птенец был уже оперён, во всяком случае, его крылья были покрыты чёрными маховыми перьями, грудка была белой, в тёмных продольных пестринах, а вместо хвоста торчали несколько перьевых пеньков с только-только распустившимися жёлтыми пёрышками. Птенец ещё был весь в пушке и от роду ему, пожалуй, не стукнуло и двух недель. При попытке взять иволжонка в руки он спрыгнул с дерева в траву и затаился под ягодами поспевающей лесной клубники. В тот момент во мне зародилась тщеславная мечта стать хозяином ручной иволги. Ни у кого нет, а у меня будет! В гнездо я его всё равно не смогу поднять, на земле его куницы или совы задушат. Так что у иволжонка одна дорога — в дом к человеку.

Дома я поставил иволжонка на пол и стал размышлять, как бы его назвать. У иволжонка был длинный нос, и сначала я назвал птенца Шиллером: судя по оперению, он был самцом. Но потом засомневался: какой в наших местах Шиллер? Потом я припомнил, что родился иволжонок в лесу с названием Атаманск, и решил назвать птенца Атаманом. Но и тут не всё сходилось: какой из иволги атаман?

В самый разгар размышлений в дверь постучали, и в горницу вошёл мой приятель дядя Федя — невысокий человек с седенькой бородкой, знаток лесных обитателей. На мои сомнения дядя Федя покачал головой и сказал:

— Погоди ты, Иван Михалыч, имя птице выбирать, ты сначала пойми, что она от тебя требует.

И тут иволжонок впервые подал голос, робко так произнёс: «Пилик-пилик», — и посмотрел на меня как иностранец на швейцара. Мы с дядей Федей переглянулись.

— Может, к родителям просится? — предположил я.

— А может, есть хочет? — усомнился дядя Федя.

Здесь иволжонок запищал громче и по-другому: затряс крыльями и командно-требовательно произнёс на лесном: «Кяв-кяв! Кяв-кяв!» Затем прыгнул, желая приблизиться к нам, и стукнулся носом о крашенные доски. Прыгнул ещё раз и опять стукнулся, прыгнул и в третий раз, но теперь удачно, с сохранением равновесия. Крылья у иволжонка были оперены только сверху, а снизу виднелась тонкая розовая кожа.

— Это теперь его кормить надо, — с уверенностью сказал дядя Федя. — Мухами его не насытишь, ему серьёзная пища нужна, например, дождевые черви.

— Да разве едят иволги дождевых червей? — спросил я зна-тока.

— Едят, — не сомневаясь, сказал дядя Федя. — Дождевых червей все едят.

Мы взяли штыковую лопату, пустую консервную банку и пошли в сад, к куче древней сырой мякины, под которой жили дождевые черви. Мы тотчас наполнили червями банку, посадили Шиллера на перекладину и принялись совать корм в его открытый рот. Червяк ложился поперёк раскрытого клюва птенца так, что он не мог с ним справиться, хотя и очень возбуждался. Тогда додумались мы с дядей Федей засовывать пищу птенцу прямо в глотку, как делают это птицы, и кормление пошло на лад. Очень быстро мы скормили всю нашу добычу. Атаман Шиллер успокоился, попиликал как-то сонно и закрыл глаза. Мы с дядей Федей тоже вытерли пот со лба и сели в тенёк на лавку, но через пятнадцать минут птенец проснулся, опять затряс крылышками, опять потребовал еды. Снова мы накопали червей, снова накормили Шиллера до отвала. Причём иволжонок настолько был жаден, что последний червяк уже не помещался в его желудке, а свешивался из раскрытого клюва, как язык у неизвестного рептилоида. Иной раз удавалось нам поймать и залетевшего с пустыря кузнечика. Атаман Шиллер схватит кузнечика за голову, а тот упрётся зазубренными ножками иволжонку в щеки и ни за что не хочет быть съеденным.

— Тьфу ты! — в сердцах восклицал в такие минуты дядя Федя. — Это не кормление, а фильм ужасов какой-то!

Когда мы с дядей Федей накапывали шестую банку червей, зашёл к нам в гости ещё один природолюб — дядя Ваня Шуралей. Посмотрел дядя Ваня на наши старания и говорит с юмором:

— Э-э, бачка Иван Михалыч! Кончат он вас, этот Шиллер, сопсим кончат. Зачем ему лопатка надо? Ему папа, мама надо, шустрым крыльям надо!

Быстро мы согласились с дядей Ваней. Если мы за два часа так ухайдакались, то что же дальше будет?

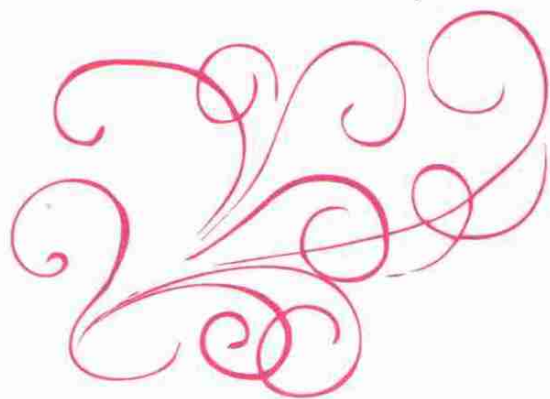

— Я думаю так, — твёрдо сказал дядя Федя, — не выпал иволжонок из гнезда, а сам выпрыгнул. То есть такой вот нетерпеливый исследователь оказался, родных пернатых раньше времени покинул. А раз так, отвези ты его, Иван Михалыч, обратно к маме, пусть иволжиха его и кормит, и воспитывает, у нее это лучше получится.

Я так и сделал, посадил Шиллера в кошёлку, завёл машину и отвёз прямо к родному гнезду. Когда Шиллер остался один на пеньке, он тотчас принялся «пиликать», еду просить. Я наловил ему мотыльков и принялся кормить, но на голос Шиллера слетелась родня и взялась его уму-разуму учить. Здесь Шиллер заметно растерялся: с одной стороны, он хорошо усвоил, что на его призывы он непременно получит обильный корм, а с другой — мама ошалела совсем, кричит с самой нижней ветки, чтобы немедленно спрятался от человека, да получше.

Я присел рядом с иволжонком, хотел его погладить, да тут иволжиха свалилась мне прямо на голову, да как закричит яростно, гневно, глаза в глаза (никогда не думал, что простенькая иволга-самка может быть такой красивой!), что меня оторопь взяла, и я быстро понял — уходить надо. Подкинул иволжонка на дерево повыше, он уцепился коготками за ветку, хорошо умогнулся среди листвы и посмотрел на меня сверху, как и полагается иволге. Я помахал ему рукой да и пошёл из леса.

В конце лета я опять был в дубраве, у старой берёзы с иволжиным гнездом. Молодые иволги, переключаясь меж собой, азартно гонялись друг за другом, мелькая в листве жёлтыми метеорами; играли, готовили крылья к дальнему перелёту. Они были абсолютно дикими и абсолютно свободными, и я подумал, что для человека слишком большой кайф иметь ручную иволгу.

БЕРЁЗА

Девочка Тоня жила вместе с тётей Кулишей и сивым дедом Уланком. Тётя Кулиша работала почтальоншей, а дед Уланок, весь в белой бороде, был древним стариком, весной плёл из ивовых прутьев гнёзда для кур и гусей, а летом мастерил ловушки на карасей. Зимой же, особенно когда пурга село по крыши заносила, дед Уланок на печи лежал.

Андрей подходил к побелённой кухоньке тёти Кулиши, смотрел на воробьёв, галдящих в фиолетовых ветках молодого клёна, стучал холодным кулачком в дверные щербатые доски. На стук выходила тётя Кулиша с пучком козьего пуха в переднике.

— Тётя Кулиша, — спрашивал Андрей громко, — Тоня дома?

— Дома, — говорила тётя Кулиша буднично. — Где ж ей быть? Тебя заждалась.

Из тёмных сеней, где пахло сухой пшеницей и дикими травами, Андрей проходил в светлую горницу с круглой чёрной голландкой и крашенными охрой полами. От окна, припадая на одну ногу, бросалась к нему русоволосая, синеглазая девчонка.

— Андрей, ты уже пришёл? — спрашивала Тоня радостно. — Почему ты вчера не приходил? А куда мы сегодня пойдём?

— К амбару пойдём, — серьёзно отвечал Андрей, одевая девочку на улицу.

— К амбару? А Коршун не будет драться?

— А кто ему позволит?

На улице Тоня останавливалась на минутку, привыкая к солнечному блеску, к крепкому деревянному стуку тележных колёс о подсохшую землю, к гоготу пасущихся на травке гусей, к пахнущему талой водой воздуху.

— Далеко-то не ходите! — напутствовала их тётя Кулиша. — Да ты, Тонька, гляди, не шлёпнись в грязь-то! Господи.

— Нет, не шлёпнусь, — заверяла бабушку Тоня, — я теперь быстро бегать научилась, меня и Шарик не догонит.

Взявшись за руки, Андрей с Тоней приходили к стоящему на площади огромному бревенчатому амбару, обставленному со всех сторон пустыми магазинными ящиками. Здесь, в ящичных дебрях, пацаны устраивали то прятки-кулюкушки,

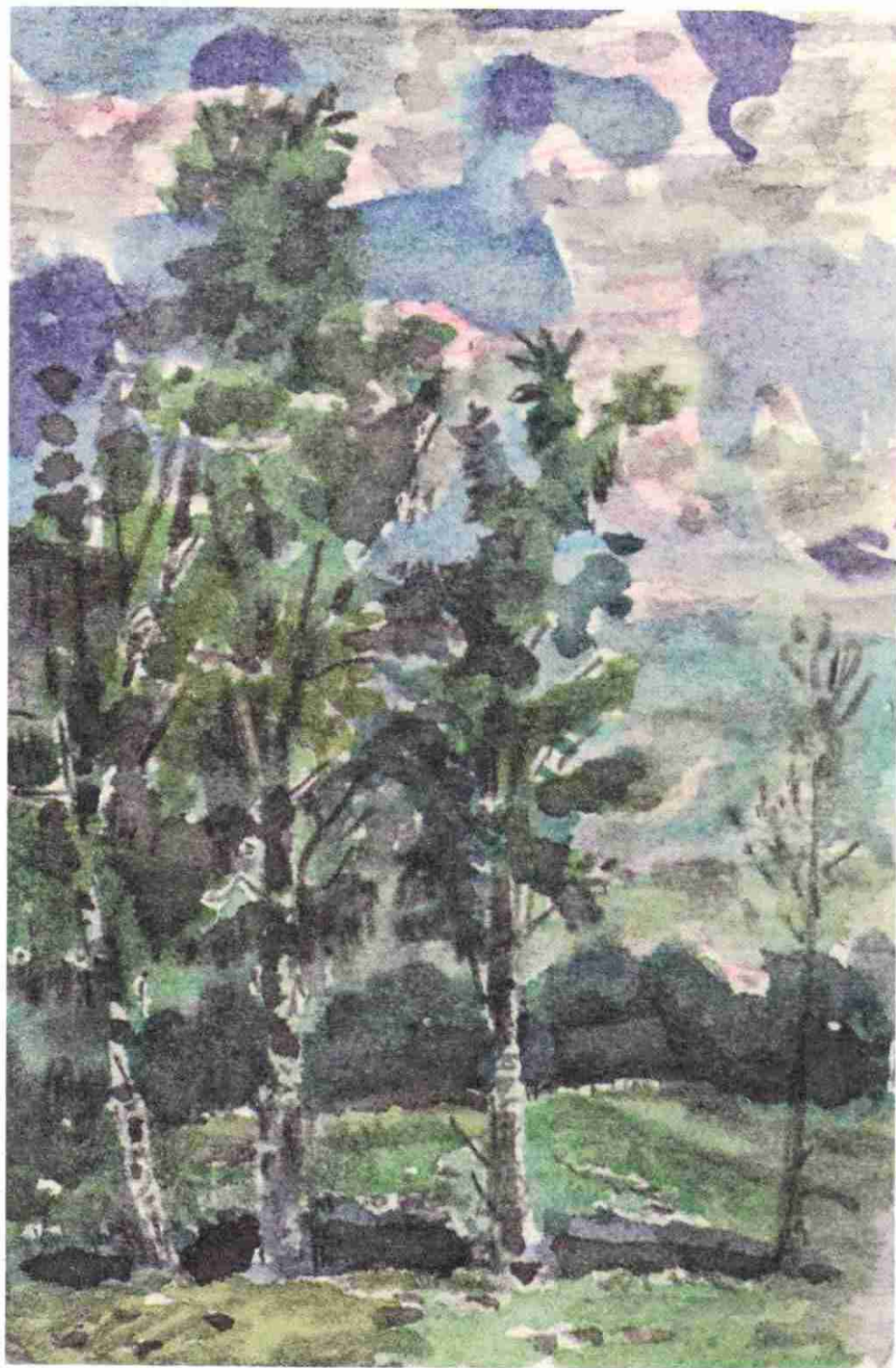
то сражения на деревянных мечах, то стрельбу из медных пугачей. Амбар был не просто большим бревенчатым строением в центре села, он был главным местом сбора у многочисленной ребятни.

В тот день играли в догонялки. Жёлтая рослая собака Шарик бросалась за ватагой ребятни вдогонку, как только переросток и забияка Коршун, в большой кожаной шапке, большой телогрейке и больших, хлябающих на ногах резиновых сапогах, отпускал её с поводка. Шарик был старым и умным псом, вся жизнь которого прошла у амбара. Никогда Шарик не кланчил подачек у ребят, однако среди них существовало неписаное правило: игрок, которого первым догонял Шарик, должен был угостить его хлебом.

— Раз, два, три! — кричал за спинами бегущих детей Коршун. — Отпускаю!

Тоня старалась изо всех сил, ей казалось, что она проворнее и резвее всех. Но в десять раз резвее бежали Тонины друзья: их смех был впереди, а Тонин сзади. В пять прыжков догнал девочку Шарик, забежал вперёд и лизнул мокрым языком в самый нос. Тоня не удержалась на бегу, вытянула руки и шлёпнулась чуть не в лужу.

— Во, Гуляй Нога попалась! — закричал тут же подскочивший Коршун. — Теперь хлеба давай.

Тоня пошарила ручонками в карманах, но ничего в них не нашла, забыла хлеб из дома захватить.

— У меня пирожок есть, — поспешил выручить Тоню Андрей. Но Коршуну такой поворот не понравился, и он крикнул:

— А ты не лезь не в своё дело! — и ударил Андрея по руке, пирожок упал в лужу.

— А ты чего руки распускаешь? — нахмурился Андрей.

— А что? — подвинулся Коршун к Андрею.

— А то, что получишь!

— От кого?

— От меня.

Тут безо всяких слов Коршун отвесил Андрею оплеуху, Андрей ответил не хуже. Тогда пошли бойцы руками махать. Коршун первым выдохся, повернулся и побежал к своему дому, Андрей за ним. Дом у Коршуна оказался закрытым, он спрятался в сарае и закричал своей собаке:

— Жулик, узы!

Но Жулик был собакой маленькой и боязливой, виновато он зашёл в конуру, втянув за собой цепь, и примолк там.

— Попробуй, пройди возле моего дома! — закричал из сарая Коршун. — Я те пройду!

Андрей отряхнул шапку и пошёл к Тоне.

За долгий день они побывали и на глинистых парящих полянах, где взрослые парни уже играли в «Попало — не попало», и в близких зарослях гибкого тальника, где плавно скользил, пригибая старую осоку, весенний поток, и в ещё пёстром от снега поле, с пушистыми сусликами на бугорках и поющими жаворонками в небе. И только к вечеру, когда в окнах зажглись огни, вернулись к тёте Кулише.

Дома тётя Кулиша выбирала на газетке волоски из козьего пуха, а сивый дед Уланок плёл из прутьиков вербы гнёзда для гусынь. Андрей с Тоней разделись, уселись за стол и взялись рисовать весну. Андрей рисовал лучше, Тоня спрашивала его:

— Андрей, это я такая красивая?

— Конечно, это ты, — отвечал Андрей. — Видишь, какие у тебя синие глаза и золотые косы.

Тётя Кулиша смотрела на рисунки и вздыхала:

— Намаялся ты с ней, Андрей, ведь ступить толком не может.

— Не намаялся, — возражал Андрей. — Тоня ловкая.

— Без родителей-то ей как скучно, укатили на Север, что ты им скажешь? Спасибо, хоть ты заходишь.

— Ничего, — вступал в разговор дед Уланок. — Я слышал, врачи операцию такую придумали, насчёт ног. Любую болячку так поправят — и не заметишь, что была. Вот, погоди, вылечим мы нашу Тоньку, и побежит она. Быстрее всех побежит!

— Твои бы слова да Богу в уши, — соглашалась с дедом тётя Кулиша.

Уже поздно вечером Андрей уходил к себе.

— Завтра в школу мне, — сообщал он Тоне. — Надо идти.

— Приходи после школы, — провожала его Тоня.

На уроке рисования учитель вывел школьников в ближний лес.

— Сегодня будем рисовать берёзу, — сказал он. — Ваша задача — внимательнее присмотреться к деревьям, отыскать скрытые отличия.

С опушки лес открывался пустым и просторным, лишь только берёзы начинали покрываться мелким зелёным пушком, а первые цветы были холодны и пахли снежной водой. Много берёз жило в лесу. Свою берёзу Андрей нашёл в сырой заросшей кустарником лощине, в соседстве со старыми пнями, корявую, изогнутую, настороженную. Топор, гулявший окрест, оставил на её светлой коре тёмные бугристые следы. Болела берёза, но боролась с коростой, выпрямлялась, тянулась верхушкой к небу, к высокому ветру.

В конце урока учитель рассматривал работы учеников и ставил оценки. Разнообразные предстали на рисунках берёзы: старые, в которых чёрного было больше, чем белого, забивались трухой, падали и умирали; зрелые, с мраморными литыми телами, с кронами, похожими на зелёные паруса, — шумными гордыми каравеллами проплывали в лесном океане, совсем маленькие, коричневые «гадкие утята» — ещё только мечтали о своей далёкой красе. На одной остановился учитель, долго держал рисунок в руках, затем спросил Андрея:

— Растут и такие?

— Растут, — согласился Андрей, — только им долго не везёт.

СОДЕРЖАНИЕ

Атаман Шиллер.....	6
Берёза	11
Воспоминание	17
Галики.....	21
Гаманок	28
Дикий мёд	32
За косачами	37
Зазимок	45
Землянка	50
Качели	55
Косьба.....	59
Крик дятла	65
Лысенка.....	67
Маменькин сынок	70
Мироздание.....	76
Охотник.....	84
Пароль	88
Поздней осенью	97
Поющие проталины.....	100
Про войну	107
Пурга.....	111
Свое село.....	127
Смелый друг	130
Страшно	133
Художественное зрение	141
Суслик	143
Сказки и мечты.....	149
Родной лес	158
Собрание друзей.....	163
Старина Дабб.....	170
Прибытие Розы	172

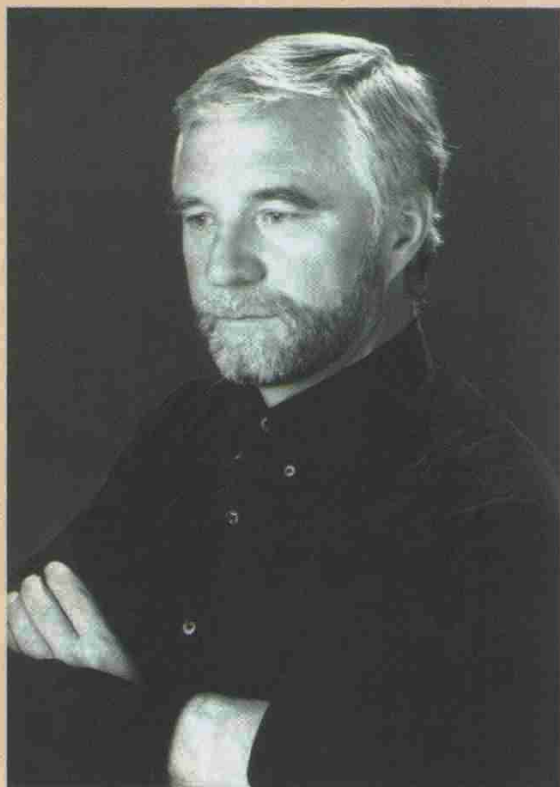
Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Издание осуществлено
к 75-летию
члена Союза российских
писателей, прозаика
Ивана Михайловича Юлаева
при финансовой поддержке
фонда «Регионразвитие»
и его президента
Михаила Федоровича Коннова

Иван Михайлович Юлаев родился 23 августа 1949 года в селе Благодарное Ташлинского района Оренбургской области в большой учительской семье. Среднее образование завершал в вечерней школе в Стерлитамаке. Служил в морской авиации на Балтике. Работал на заводах и стройках, собирал автомобили на главном конвейере КамАЗа, добывал нефть в Сибири, косил сено у Охотского моря... И все время писал. Первый свой рассказ «Гришин скворец» Иван увидел напечатанным в газете «Рабочий КамАЗа», а первую книгу «Теплые ветры», изданной в Казанском книжном издательстве, — в 1988 году.

В 1991 году Иван Юлаев переехал с семьей из Набережных Челнов в Оренбург. Здесь он был принят в члены Союза российских писателей и даже возглавлял одно время его оренбургское отделение. Здесь вышли его книги «Ростошь», «Сказки и мечты», «Встретимся летом», «Природой сотворенный храм». Писатель — обладатель областных литературных премий — «Оренбургская лира», имени С. Т. Аксакова, П. И. Рычкова, Всероссийской — Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В 2020 году 6 сентября И. М. Юлаева не стало.

ISBN 978-5-9904096-2-0

9 785990 409620